

ЮРИЙ НОВОПОЛЬЦЕВ

СТРАННАЯ МАТЕМАТИКА “ЗАПИСКИ ШЕЛЕПИНА”

В прошлый раз, в статье “Пакет Пандоры”, вероятнее всего, был нанесён невосполнимый урон репутации фальшивых документов о расстреле войсками НКВД польских военнопленных. Просчётов у “делателей фальшивых бумаг” оказалось немало, к примеру, выяснилось, что никакая “спектройка” не руководила операцией по “разгрузке лагерей военнопленных”. Это означает конец истории “чудесно обнаружившегося Закрытого Пакета №1”, поскольку абсолютно во всех документах из данного пакета говорится о мифической “спектройке”. Не является исключением и “записка Шелепина”, и всё же исключение для неё будет сделано: давайте на несколько мгновений забудем собственные выводы и начнём её рассмотрение с чистого листа.

Итак, что из себя представляет так называемая записка Шелепина? Это послание тогдашнего руководителя Комитета Государственной безопасности главе Правительства СССР Н. С. Хрущёву. В записке содержится информация о расстреле польских военнопленных в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, а также в тюрьмах Украинской и Белорусской СССР весной 1940 года. Ввиду возможной утечки информации учёные дела, хранившиеся, по словам А. Н. Шелепина, в закрытом опечатанном помещении, предлагалось уничтожить, оставив протоколы заседаний “тройки” и акты приведения приговоров в исполнение. Разместить уцелевшие от акции по истреблению документы предполагалось в особой папке, то есть в том самом “Закрытом пакете №1”. Нетрудно догадаться, что ни протоколов, ни актов в нём не обнаружено.

“Записка Шелепина” – родная сестра “записки Берии”, можно с ходу отметить не одно поразительное сходство между ними.

Первое. Более чем странные истории с регистрацией документов. Напомним, что “записка Берии” зарегистрирована 29 февраля 1940 года, а написание её завершено 5 марта того же года (хотя, разумеется, датировка её совершенно иная – начало 90-х годов XX века). Что касается “записки Шелепина”, то написана она была, согласно легенде, 3 марта 1959 года, зарегистрирована же 9 марта 1965. Шестью годами позже! В чём дело? Фантастическую ситуацию (не первую и не вторую в данном деле) попробовал разъяснить следователь ГВП А. Ю. Яблоков. По его словам, с “запиской” произошла вполне рядовая история: по-видимому, начальник Общего Отдела ЦК КПСС В. Н. Малин положил её в сейф без всякой регистрации, а в 1965 году, уходя с должности, решил-таки зарегистрировать её, после чего записка переместилась в Архив ЦК КПСС. Его рассказ не подтвержден ссылкой на какой-нибудь источник информации, а следовательно – не что иное, как выдумка со сказочным сюжетом. Действия персонажей данной сказки алогичны. Не случайно А. Ю. Яблоков не попытался объяснить возможные мотивы,

по которым В. Н. Малин в 1959 году не стал брать на учёт записку, но при этом не уничтожил её. Какими соображениями руководствовался он же в 1965 году, осуществив явно запоздалую регистрацию? Подобная операция в духе фильмов о шпионах могла дорого обойтись самому регистратору: в 1965 году Шелепин представлял собой достаточно влиятельную фигуру в аппарате ЦК, подобная деятельность Малина могла ему прийтись не по вкусу. И ещё один аспект: случайно ли А. Ю. Яблоков не указал точной даты оставления В. Н. Малиным Общего отдела ЦК, включающей месяц и день? Одно дело, если заведующий Общим отделом принялся готовиться к уходу с должности за неделю-две, а совсем другое – если до прощания Малина с должностью оставались ещё месяцы.

Вторая черта, роднящая две записки, заключается в том, что обе они способны нас удивить. “Записка Берии” объявила неисправимыми врагами Советской власти абсолютно всех польских военнопленных, забыв о многочисленных примерах обратного свойства. “Записка Шелепина” сообщает нам, будто Старобельск расположен неподалёку от Харькова (на самом деле расстояние между ними свыше 200 км). Географическая ошибка автора записки усиливает наше недоумение ещё по двум аспектам: совершенно неясно, зачем бывшему Первому секретарю ЦК КП(б) Украинской ССР объяснять, где расположен один из городов республики. Тем более, что в 1940 году Н. С. Хрущёв уже занимал упомянутую должность, и название города ему должно было запомниться, так как в Старобельске располагался лагерь военнопленных – мимо Первого Секретаря ЦК этот факт пройти не должен был. К слову, совершенно неясно, с какой целью автор записки детально осветил географию мест, в которых якобы расстрелы военнопленных произошли. Рикошетом он дважды слегка задел самого Хрущёва – ведь автор утверждал, будто солидная доля казней была осуществлена на территории Украины. Почему автор не пожелал ограничиться упоминанием общего числа расстрелянных? Написана ли записка для Хрущёва?

Второй момент, усиливающий наше изумление, – повторение фразы из коммунике М. Кукеля, министра иностранных дел польского эмигрантского правительства от 6 апреля 1943 года. В данном документе также утверждалось, что Старобельск расположен около Харькова. Полякам, возможно, простительны подобные ошибки, но никак не составителю записки.

Третье обстоятельство, указывающее на родство двух записок, – обоим документам присуща избирательность. Автор “записки Берии” не пожелал включить в число военнопленных, на которых должны были обрушиться удары судьбы, польских заключённых тюрем Москвы, Владимира и других городов – приблизительно такой же курбет был проделан и автором “записки Шелепина”. Напомним, что, согласно её тексту, “в закрытом, опечатанном помещении” хранились учётные дела военнопленных, приговорённых судом “тройки” к высшей мере наказания. Между тем, таковые осуждённые реально имелись, но с одной существенной поправкой: приговоры им выносились не “спецтройкой”, а Военной коллегией Верховного суда СССР. Например, из Козельского лагеря в январе-марте 1940 года в Москву вывезли ряд польских военнопленных (общее их число – 12 человек). Четверых из них Военная коллегия Верховного суда приговорила к расстрелу: майоров М. Липинского и Е. Малиновского-Мамаладзе, ротмистра С. Крушевского и капитана Я. Зелинского. В вину им вменялись “активный шпионаж в пользу бывшей Польши, активная вражеская деятельность против СССР, активная борьба против рабочего класса и революционного движения”. Ещё двоим – майору М. Курнатовскому и капитану Я. Макарчинскому – Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам сочла возможным заменить высшую меру социальной защиты 15 годами заключения в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в гражданских правах сроком ещё на 5 лет. Все-го же в 1939–1941 годах в отношении граждан Польши Военная коллегия Верховного суда СССР, а также военные трибуналы Киевского и Белорусского особых военных округов вынесли в качестве наказания высшую меру 3196 раз. Возникает вопрос: откуда появилась упомянутая цифра? Ответ таков – в 1985–1991 годах доктор исторических наук А. Н. Колесник шесть раз сумел побеседовать с Л. М. Кагановичем, который и указал точное число реально расстрелянных польских граждан. Что показательно, ещё два человека из Правительства СССР 1940 года, В. М. Молотов и тогдашний нарком по

строительству С. З. Гинзбург указанное Л. М. Кагановичем количество расстрелянных граждан Польши подтвердили. С ними также беседовал А. Н. Колесник. Нет сомнений в том, что учётные дела расстрелянных по приговору Военной коллегии и военных трибуналов должны были бы храниться в том же “закрытом, опечатанном помещении”, что и учётные дела “казнённых по приговорам судебной тройки”. Однако их там не было. А почему? Разве эти расстрелы (действительно реальные) не составляли государственную тайну? Или учётные дела указанных трёх тысяч военнопленных и гражданских лиц хранились где-то в ином месте? В таком случае, по какой причине А. Н. Шелепин не счёл необходимым поставить вопрос также и о них? Ответ будет достаточно прост: истинные изготовители “записки Шелепина” были не в курсе сведений, появившихся на свет благодаря, прежде всего, Л. М. Кагановичу. Быть может, и он, и В. М. Молотов, и С. З. Гинзбург солгали? Нет, это не так. Судебные приговоры, вынесенные в 1939–1941 годах, хранятся ныне в РГАСПИ; с ними можно ознакомиться, правда, не со всеми – часть дел почему-то находится на секретном хранении, что делает затруднительным самостоятельный подсчёт упомянутой категории. Однако кое-что из сведений, полученных от вышеупомянутого трио, расходится с реальностью: Каганович сообщил, будто весной 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле 3196 военнопленных, но приговоры им выносились в течение долгого времени. К примеру, Ежи Малиновского (Георгия Мамаладзе) осудили к высшей мере наказания 14 июля 1941 года¹. По всей видимости, Л. М. Каганович кое-что перепутал: весной 1940 года не осудили 3196 польских военнопленных, а приняли решение применить смертную казнь в тех случаях, когда от неё уклониться было крайне сложно; а уж затем, после скандала, затеянного нацистами в 1943 году, пересчитали, сколько раз её использовали. Имеется и обнадеживающий момент, выразим его в трёх тезисах.

1. “Записка Шелепина” никоим образом не касается действительно казнённых польских военнопленных.

2. Именно на “записку Шелепина” ссылаются, когда говорят, что, по предложению автора записки, были, как утверждается рядом исследователей, уничтожены многие документы, проливающие свет на тайны разбираемой нами истории.

3. Вывод: документы, касающиеся реально расстрелянных польских военнопленных, должны сохраниться, не так ли?

Зададимся и ещё одним вопросом: поскольку две записки, “Берии” и “Шелепина”, имеют между собой столько сходных черт, а “записка Берии” наполнена недостоверными цифрами, не стоит ли подвергнуть тщательной проверке цифры, указанные в “записке Шелепина”? Но сначала разберёмся с географией расстрелов из последней записки – она чрезвычайно странная. Итак, автор записки нам поведал, будто расстреливали:

узников тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии – в тюрьмах указанных областей;

военнопленных Старобельского лагеря – в Старобельске;

военнопленных Осташковского лагеря – в Осташкове;

военнопленных Козельского лагеря – в Катинском лесу.

Обращает на себя внимание то, что в трёх из четырёх случаев автор записки выдал за место расстрела первоначальное месторасположение польских военнопленных. Думается, что это не случайно: истинному автору записки было ещё не ясно, где именно обнаружат “останки расстрелянных”, а потому был избран такой странный вариант. В том, что это вариант ещё и ошибочный, сомневаться не приходится. Заключённых тюрем западных областей Украины и Белоруссии перевезли по приказу Л. П. Берии в тюрьмы городов Киева, Харькова, Херсона и Минска. Если расстрелы и состоялись, то только в указанных городах, хотя, с другой стороны, перевозить только для того, чтобы расстрелять, – это абсурд. Точно так же нет сомнений в том, что Старобельский и Осташковский лагеря военнопленные покинули живыми и в добром здравии. О том свидетельствуют немало документов, в частности, расписки сотрудников УНКВД по Калининской области о приёме этапов из Осташкова, ведомости по перевозке военнопленных Осташковского лагеря в Калинин, сводки начальника Главного транспортного управления НКВД С. Р. Мильштейна о движении поездов с тюремными вагонами, заполненными военнопленными Старобельского лагеря, в Харьков...

На таком фоне “белой вороной” выглядит упоминание о военнопленных Козельского лагеря – только их, по словам автора записки, уничтожили не на первоначальном месте, а предварительно вывезли. Всё ли в порядке в последнем случае? Тоже нет. Существует немало документов, свидетельствующих, что часть этапов Козельского лагеря вывозилась в Смоленск. О том говорят докладные записки комиссара лагеря, старшего политрука М. М. Алексеева, письменные приказы 136 отдельному конвойному батальону о конвоировании военнопленных по маршруту Козельск-Смоленск... Между тем, если бы поляков везли в Катинский лес, то их абсолютно всех выгружали бы на станции Гнездово. Но до Гнездова везли лишь часть этапов. Сегодня сторонники нацистской версии событий в Катинском лесу утверждают, будто военнопленных Козельского лагеря расстреливали не только в пункте, указанном в “записке Шелепина”, но ещё и в здании смоленской тюрьмы. Вот и получается, что эта записка дезинформировала Н. С. Хрущёва абсолютно во всех случаях. Но, быть может, с количеством расстрелянных поляков автор записки проявил большую точность?

По его словам, было уничтожено:

заклѳченных тюрем западных областей Украины и Белоруссии – 7305 человек;

военнопленных Старобельского лагеря – 3820 человек;

военнопленных Козельского лагеря – 4421 человек;

военнопленных Осташковского лагеря – 6311 человек.

Нам предстоит тщательная проверка указанного количества лиц, якобы подвергнутых смертной казни.

В одном случае сделать это не удастся: не сохранилось никаких документов (либо они недоступны для исследователей) относительно судеб заклѳченных западных областей Украины и Белоруссии. Однако число 7305 не может не вызвать недоумения: почему в таком случае польская сторона ничего не знала об их казни вплоть до 90-х годов XX века, почему не занималась их поисками подобно тому, что ими было предпринято в отношении военнопленных трёх специальных лагерей?

Перейдѳм к определению возможного количества военнопленных лагерей, которые могли подвергнуться казни. По-видимому, речь может идти лишь о тех, кто оказался передан в распоряжение начальников УНКВД трёх областей: Смоленской, Харьковской и Калининской. Недаром у ряда исследователей, поддерживающих нацистскую версию событий, сложился стереотип – “отправлен в УНКВД согласно предписанию №... , то есть на расстрел”. Начнѳм со Старобельского лагеря; здесь нам поможет отчѳт начальника лагеря А. Г. Бережкова от 17 мая 1940 года. В нѳм начальник лагеря даѳт лишь общее число военнопленных, вывезенных из лагеря. Оно равно 3888 человек². Нам придѳтся самим установить, какое количество из указанного числа перевезли в Харьков. Помимо Харькова, трое военнопленных были отправлены в Москву, ещё 78 (согласно отчѳту) направили в Юхновский лагерь. Итог – 3807 человек должны были к 17 мая 1940 года отправиться в Харьков. Но здесь мы должны сделать существенное уточнение: А. Г. Бережкова совершенно не касалось, каким образом события сложились уже после того, как он передал военнопленных конвоирам, а в пути могло, как оказывается, поменяться многое. 12 мая 1940 года начальник Старобельского лагеря, согласно предписанию УПВ, направил в распоряжение начальника УНКВД по Харьковской области военнопленного Булгака А. П. В пути в отношении Булгака предписание изменили, о чѳм начальник Управления по делам военнопленных П. К. Сопруненко уведомил руководство первого спецотдела НКВД:

“Мною задержана отправка из Старобельского лагеря военнопленного Булгака Андрея Петровича, 1910 г. рождения, уроженца гор. Вильно, подпоручик запаса, по специальности врач.

Булгак был задержан в связи с запросом 3-го Отдела ГУГБ за №3/32726 от 28/XII-39 года. По сообщению Начальника 11-го отделения 3-го отдела ГУГБ тов. Кожевникова их запрос о Булгаке вызван запросом Литовской миссии, в которой Булгак значился”³.

Краткое резюме: если Сопруненко мог так запросто отменить казнь военнопленных по решению “спецтройки”, то не являются ли мифами как “спецтройка”, так и отправка на казнь? Во всяком случае, из суммы 3807 следует удалить одного человека, результат – 3806. Но он не является окончательным,

в Старобельском лагере оставались ещё 11 военнопленных⁴, все они были транспортированы в Харьков. Практически число 3817 военнопленных, переданных Харьковскому УНКВД, является окончательным. В Старобельском лагере, правда, появились ещё двое из Криворожского лагеря — Каминский Тадеуш и Садовский Станислав, но они были направлены в Севжелдорлаг⁵. Таким образом, мы имеем дело с числом военнопленных из “записки Шелепина”, завышенным на 3 человека. Но мы обязаны учесть и теоретические возможности. Речь идёт о двух военнопленных, в апреле-мае 1940 года проходивших лечение в харьковских больницах — Эдварде Мажеце и Эдварде Боксере. По выздоровлении их могли передать УНКВД Харьковской области. В этом случае, по сравнению с данными “записки Шелепина”, нами не обнаружен один человек.

Переходим к рассмотрению количества военнопленных, отправленных из Козельского лагеря в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области. 14 мая 1940 года начальник вышеупомянутого лагеря В. Н. Королёв назвал число таковых 4403⁶. Но в лагере оставались ещё 10 человек, один из которых 20 мая был этапирован в Смоленск⁷. Однако и этот результат не окончательный. Один из тех, кого Королёв посчитал отправленным в Смоленск, был снят с этапа и переправлен в Москву⁸, речь идёт о хорошо известном военнопленном Святославе Свяневиче. Получаем прежнюю сумму — 4403 человека, переданных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области. Недостаёт 18 человек — не находились ли какие-то военнопленные в Смоленске на начало апреля 1940 года? Да, таковых насчитывалось сразу 13 человек: двое лечились в психиатрической больнице⁹, и их расстрел в 1940 году крайне маловероятен. Ещё 11 военнопленных вывезли в Смоленск 9 марта указанного года¹⁰. Один из 11 вывезенных 9 марта (Зенона Мельника) во время Великой Отечественной войны обнаружили на Севере отбывающим срок — по нему претензий быть не должно. При желании число 4403 военнопленных, этапированных в Смоленск и Гнездово, можно трансформировать в 4413, но, похоже, учли и двух психиатрических больных. Максимальное количество переданных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области выразилось тем самым в 4415 человеках. Шести указанных в “записке Шелепина” так или иначе не хватает.

Последний из лагерей — Осташковский. 17 мая 1940 года начальник лагеря П. Ф. Борисовец указал в справке, что из Осташкова в Калинин было отправлено 6229 военнопленных¹¹. Следует заметить, что в лагере оставался ещё достаточно большой контингент военнопленных — 73 человека, 59 из которых впоследствии перевезли в Калинин¹². Мы получили новую сумму — 6288 человек. Один из тех, отправка в Калинин которого не состоялась (Януш Скальский), в апреле 1940 года уже пребывал в Калинин¹³. По всей видимости, его следует учесть, но всё равно, нехватка военнопленных в сравнении с данными из “записки Шелепина” довольно ощутимая.

То, что нами сейчас было проделано, особой новизны не имеет — абсолютно все исследователи отмечают, что количественные данные из “записки Шелепина” расходятся с реальностью. При этом многие делают вид, что это расхождение абсолютно нормально. Как знать... Но важно установить путь, которым неверные данные были получены — тогда всё встанет на свои места. Можно указать два варианта. Первый — смешение военнопленных, этапированных в распоряжение УНКВД трёх областей, с военнопленными, туда не направлявшимися. Поясним свою мысль: из Старобельского лагеря в Харьков вывезли в апреле-мае 1940 года 3817 человек. К ним были приплюсованы трое военнопленных, доставленных в Москву. Вероятнее всего, это были Николай Чечот, Владислав Зверко и Андрей Меер. Двое первых значатся в служебной записке начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД П. В. Федотова, адресованной заместителю начальника Управления по делам военнопленных И. И. Хохлову¹⁴. В служебной записке содержится просьба о задержке этапирования указанных военнопленных до разрешения вопроса о них с заместителем наркома В. Н. Меркуловым. Третий указан как агент, завербованный НКВД¹⁵. О судьбе Владислава Зверко ничего не говорится, но Николай Чечот был позднее доставлен в Грязовецкий лагерь, куда перевезли военнопленных из Юновского лагеря. В отношении же подполковника Меера заметим, что его казнь была бы странной вдвойне. Как бы то ни было, даже если подозревать в чём-то НКВД, то указанные лица никоим образом не могли быть перемещены

в Пятихатки (окраина Харькова), считающиеся местом захоронения старобельских поляков. Вероятнее же всего, “записка Шелепина” учла, как минимум, двух военнопленных, оставшихся в живых в 1940 году. Дальше будет ещё удивительнее.

К количеству военнопленных, указанных в справке В. Н. Королёва (4403 человек), автор разбираемой нами записки не забыл приплюсовать военнопленного, этапированного 20 мая 1940 года в Смоленск, но не вычел из полученной суммы снятого с этапа Свяневича. Затем к сумме в 4404 человека приобщили 11 военнопленных, вывезенных в смоленскую тюрьму в марте указанного года. Не пощадили и лечившихся в психиатрической больнице — получаем число в 4417 человек. Недостаёт ещё четверых, которых “нашли” среди вывезенных в марте-мае 1940 года в Москву. В итоге получилось, что в “закрытом, опечатанном помещении” хранились дела на пятерых (!) военнопленных, стопроцентно выживших в 1940 году. Их имена: Януш Макарчинский, Зенон Мельник, Святослав Свяневич, Пётр Климан и Леон Екатов. Двоих последних в мае 1940 года доставили в Москву, но впоследствии они оба появились в Грязовецком лагере. Невозможно удержаться от удивления и в отношении капитана Макарчинского: мало того, что он точно не был расстрелян, так и его делом, как ранее упоминалось, занималась Военная коллегия Верховного суда СССР, а не некая “спецстройка” — каким чудесным образом в “закрытое, опечатанное помещение” проникло его учётное дело? Ещё один военнопленный, Феликс Ковшун-Цивинский, также не может считаться захороненным в Катинском лесу, поскольку его 11 мая 1940 года передали в распоряжение 2-го отдела ГУГБ НКВД¹⁶.

Разбор данной версии, касающейся военнопленных Осташковского лагеря, осуществим далее. А пока перейдём к второму возможному пути получения неверных чисел из “записки Шелепина”. Ключом к пониманию происходившего послужит один важный документ, именуемый “справкой о прохождении дел”. Составлена она была начальником УПВ П. К. Сопруненко 3 мая 1940 года:

“1. Отправлено из лагерей 13. 678 чел.

Из них: а) Из Козельского лагеря -4249 ч.

б) Из Старобельского -3749 ч.

в) Из Осташковского — 5680 ч.

2. Временно сняты (находятся в 1-ом Спецотделе) 153 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю - 87 ч.

б) По Старобельскому — 29 ч.

в) По Осташковскому — 37 ч.

3. До особого распоряжения оставлены дела на 609 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю — 144 ч.

б) По Старобельскому — 26 ч.

в) По Осташковскому — 439 ч.

4. На исправление дел на 29 чел.

Из них: а) По Осташковскому лагерю - 15 ч.

б) По Старобельскому — 14 ч.

5. В Юхновский лагерь направлено 200 чел.

6. В работе 44 чел.

7. Для доклада имеется дел на 190 чел.

Всего прошло дел

на 14. 904 чел.”¹⁷.

Справка достоверная, составлена она была, по всей вероятности, для В. Н. Меркулова, но при этом начальник УПВ позволил себе предоставить руководству довольно лукавые цифры. Замечание касается первого пункта справки. У нас имеется возможность сверить её данные с данными, представленными позже начальниками лагерей; отличия заметны невооружённым глазом: из Козельского лагеря вывезли в распоряжение УНКВД не 4249, а 4235 человек. Из Старобельского лагеря не 3749, а 3747 военнопленных. Из Осташковского же разница составила 46 человек — вместо указанных в справке 5680 к 3 мая 1940 года вывезли в Калинин 5634 человека. Вполне вероятно, что лицо, написавшее “записку Шелепина”, решило взять за основу справку Сопруненко. Причина весьма проста: в документе указывалось завышенное количество военнопленных, переданных УНКВД, — как раз это автору записки и требовалось. Теперь смотрим, что в итоге у него получилось. К количеству отправленных в Харьков из Старобельского лагеря, указанных

в справке Сопруненко от 3 мая 1940 года (3749 человек), были добавлены 60 военнопленных, этапированных в Харьков, согласно справке уже начальника Старобельского лагеря А. Г. Бережкова, в период с 8 по 12 мая. Ещё 11 человек, как мы знаем, в лагере оставались, и были вывезены в указанном направлении во второй половине мая. Искомое количество – 3820 военнопленных – вновь удалось получить. На сей раз к данному числу не имеют никакого отношения те, кого направили в Москву, что нельзя не признать справедливым. Однако, как минимум, один военнопленный Старобельского лагеря, выживший в ходе событий 1940 года, в “записку Шелепина” сумел затесаться. Речь идёт о знакомом нам Андрее Булгаке, перенаправленном в Юхновский лагерь. Мало того, автор “записки Шелепина” учёл двух человек, которых в реальности из Старобельского лагеря не вывозили по той причине, что в предписаниях на отправку нередко вкрадывались ошибки: один и тот же человек мог указываться дважды, порою требовали отправить военнопленных, либо ранее вывезенных из лагеря, либо вовсе в нём не содержащихся. В апрельских списках-предписаниях, высланных Старобельскому лагерю, дважды давался приказ на вывоз из лагеря Эдмунда Кржижановского, а также упоминались двое военнопленных Козельского лагеря: Тадеуш Мордас-Жилинский и Михаил Барбюлек. Понятно, что Кржижановского могли вывезти из лагеря лишь один раз, последние же двое были этапированы не из Старобельска, а из Козельска. Пунктом назначения для них стал не Харьков, а Смоленск. В одной из сделанных ошибок П. К. Сопруненко признался, неясно лишь, в какой именно. Тем не менее, приходится констатировать: Э. Кржижановский учтён дважды в “записке Шелепина”, а из компании Т. Мордас-Жилинского и М. Барбюлека, как минимум, один числится захороненным в двух абсолютно разных местах: и в Пятихатках, и в Катынском лесу.

В случае с Козельским лагерем абсолютно понятно, в каких оплошностях, совершённых в предписаниях, признался Сопруненко Меркулову. По всей видимости, об изменении предписаний для генерала Волковицкого и капитана Сеницкого (в конечном счёте, оба оказались в Юхновском лагере), а также о военнопленном, вывоз из лагеря которого сорвала собственная смерть – об А. Мунке. Начальник УПВ сообщил о 4249 уже вывезенных из лагеря к 3 мая 1940 года и превысил данное количество на 14 человек. Однако оно безоговорочно было принято автором “записки Шелепина”. К 4249 человекам была приплюсована сумма в 168 военнопленных, выехавших из лагеря в Смоленск 10 и 11 мая. Это вполне допустимо, если автор записки изъясил из общей суммы С. Свяневича и заменил его И. Журовским, отправленным в Смоленск 20 мая 1940 года. Новое число военнопленных составило 4417 человек. К нему были добавлены 4 человека, вывезенных в марте-мае 1940 года в Москву. Итоговое число полностью совпало с числом “записки Шелепина”. В сравнении с реальным количеством поляков, переданных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области, образуется излишек людей в “записке Шелепина” (18 военнопленных). Выясняем, за счёт кого случился перебор. Вначале учтём, что 5 человек, уже находившихся в Смоленске на лечении или в тюрьме, теоретически могли быть расстреляны и погребены в Катынском лесу. К несчастью для защитников “записки Шелепина”, этого нельзя сказать в отношении остальных 13 “лишних людей”.

Четверо – Е. Бурдзинский, Е. Пиотровский, С. Кардашевич и А. Цибульский были ошибочно включены в списки-предписания по два раза¹⁸, столько же раз их учла и “записка Шелепина”. Отправка троих военнопленных: М. Чиж, М. Липского и А. Манна в Смоленск – не состоялась в апреле 1940 года¹⁹, их вывезли в мае того же года. “Записка Шелепина” предпочла осуществить и в отношении них двойную транспортировку. Здислав Шульц сохранился на самом деле в Старобельском лагере, но поначалу его разыскивали в Козельске и даже выслали туда приказ на его отправку; согласно “записке Шелепина” Шульц погребён и в Катынском лесу, и в Пятихатках. Учла записка расстрелянными и, как минимум, трёх человек, и не думавших прощаться с жизнью в 1940 году: Януша Макаровичинского, Петра Климана и Леона Екатова. Причём Макаровичинский был сосчитан дважды – как отправленный в апреле 1940 года из Козельского лагеря, и как вывезенный из лагеря в марте в Москву для расстрела. Сколько же учётных дел было заведено на него? О Ковшун-Цивинском речь уже шла.

Сложнее всего установить, каким образом число 6288 военнопленных, отправленных в Калинин из Осташковского лагеря, трансформировалось в 6311 казненных согласно “записке Шелепина”. Но ничего невозможного нет. Вспомним, что П. К. Сопруненко указал на 3 мая 1940 года стопроцентное выполнение списков-предписаний руководством Осташковского лагеря, что, конечно же, истиной не являлось. На самом деле из лагеря были вывезены 5634 человека²⁰. Установить, кто именно оказался в рядах фиктивно транспортированных в Калинин, нам поможет справка начальника лагеря Борисовца П. Ф. с приложениями к ней от 17 мая 1940 года²¹. Итак, каким образом появился переизбыток вывезенных в Калинин к 3 мая? В 15 случаях, согласно данным П. Ф. Борисовца, дело было связано либо с серьёзным недугом, либо со смертью военнопленных. Четыре раза предписания коснулись тех, кто в лагере не содержался. Трижды распоряжения об этапировании в Калинин отменялись, впоследствии Викентий Сосна, Михаил Ромм (дворянский брат известного кинорежиссёра) и Казимир Вишневецкий были направлены в Юхновский лагерь. Ещё два раза в предписаниях упоминались уже вывезенные из лагеря лица (Бронислав Пжемша и Януш Скальский); однажды наряд на отправку выписали вторично, на Чеховича Станислава; во всех прочих случаях отъезд из лагеря был, по различным причинам, отложен. Невзирая на указанные обстоятельства, изготовитель “записки Шелепина” взял за основу именно число 5680 вывезенных в Калинин к указанному сроку. Осталось узнать, сколько же человек из числа военнопленных перевезли в Калинин в мае 1940 года. Таковых насчитывается 585 без учёта последнего этапа²². А размеры последнего этапа нами уже выяснены – 59 человек. Если 585 и 59 прибавить к 5680, то образуется сумма 6334. Из неё были удалены 16 человек, указанные в справке Борисовца как скончавшиеся, 6 человек, не содержавшиеся в Осташковском лагере, и повторный приказ на Чеховича. Вот и получилось искомое число – 6311. Отметим, что автор “записки Шелепина” допустил невнимательность и вполне мог насчитать и больше “казнённых”: ведь три предписания в связи со смертью и с тем, что были присланы на тех, кого в лагере не было, оказались удалены дважды: вначале при суммировании 5680 и 585 + 59 (здесь уже нет предписаний, выданных по ошибке в мае). Затем те же лица были исключены как скончавшиеся или не содержавшиеся в Осташкове. Данный момент затрудняет вывод: кто конкретно из числа выживших попал в списки “расстрелянных”, а кто оказался учтён два раза. Тем более что большинство фамилий из числа тех, чей отъезд в Калинин был отсрочен, нам осталось не известно. Выскажемся в отношении вышеупомянутого Бронислава Пжемши; в отличие от Януша Скальского, этапированного в Калинин, Пжемша никак не должен был попасть в списки расстрелянных. Во-первых, он во второй половине мая 1940 года находился очень далеко от Калинина – в Чернигове. Во-вторых, никаких намерений по его умерщвлению не наблюдалось, о чём свидетельствует любопытный документ:

“Звонил Кулишов из Черниговского УНКВД.

Пжемша Бронислав Симонович, бывший секретарь польской полиции. Его следственное дело № 12060 от 20/III-1940 г. сдано в следственную часть НКВД УССР, принял дело т. Котенёв. Нам этот человек сейчас не нужен, но он очень интересный человек.

Прошу об этом передать тов. Сопруненко.

Принял – Слуцкий.

17 мая 1940 г. ”²³.

Надо иметь какие-то превратные представления, чтобы допускать в подобных случаях казнь обсуждаемого индивидуума, а ведь допускают: Бронислав Пжемша внесён в так называемый украинский катынский список (якобы убитых в тюрьмах Украинской ССР).

За нами остался долг – демонстрация образования числа 6311 первым способом, то есть добавлением к количеству реально вывезенных в распоряжение УНКВД лиц, направленных в иные места. Таковые имелись и в Осташковском лагере. Как мы установили, из лагеря в Калинин направили 6288 военнопленных, ещё 112 человек перебравшись в Юхновский лагерь²⁴. Как мы уже знаем, П. Ф. Борисовец объявил о невозможности исполнения предписаний в связи со смертью военнопленных в 16-ти случаях.

Но в четырёх предписаниях (из числа упомянутых Борисовцом) речь шла о военнопленных, скончавшихся в феврале-марте 1940 года. Их имена:

Ян Гранас, Станислав Гибчинский, Валентин Байер и Франц Будзинский²⁵. То есть, 4-х из 16-ти в Осташкове к началу апреля уже не было. Итого: $6288 + 112 + 12 = 6412$ человек прошло через Осташковский лагерь в апреле-мае 1940 года. Но к полученному количеству необходимо приписать знак вопроса. Получается, что в Осташков в апреле-мае 1940 года прибыли 48 человек ($6412 - 6364$)? Проверяем по документам: 5 человек поступили из больниц²⁶; 10 – из Ровенского лагеря²⁷; 2 – из Елено-Каракубского²⁸. 10 и 11 мая 1940 года в лагерь прибывали сразу два этапа из Криворожского лагеря, общее число прибывших в указанные 2 дня – 30 человек²⁹. 3 мая в Осташков был возвращён из Чернигова Юзеф Каминский³⁰. Каминского вывезли из Осташкова по ошибке; УНКВД по Черниговской области требовался другой Юзеф Каминский... Казалось бы, всё сошлось – искомые 48 человек обнаружены? Радоваться, однако, рано. Проверяем динамику поступлений в Осташковский лагерь по номерам учётных дел военнопленных. №№ 7782 и 7783 принадлежат Станиславу Сцибуру и Юзефу Маловойскому, появившимся в лагере 14 апреля³¹, первыми из новичков этапа “разгрузки”. Последний учётный номер (7841) отдан Игнатию Блаховскому. Чудеса в решете: выходит, что в лагерь в апреле-мае поступило не 48, а 60 человек? Не станем спешить с выводами, а обратим внимание на то, что военнопленным Ровенского лагеря оставили их прежние учётные номера. У Юзефа Каминского тоже появился не очередной номер – 1895. В итоге мы имеем 71 новичка, 23 из которых ни в каких отчётах Борисовца и Сопруненко не упоминаются. После зарегистрированных Сцибура и Маловойского встречается № 7784 у Щепаника Иосифа Томашевича, направленного в Калинин по предписанию 058/.4, пункт 48, после него – пустота. Пустуют сразу 20 учётных номеров – с 7785 по 7804. Номера с 7805 по 7809 заполнены, а вот следующие два номера – 7810 и 7811, не принадлежат ни одному из военнопленных, направленных в Калинин, Юхновский лагерь либо попавших в скорбный список скончавшихся. Ещё один, 23-й по счёту, пропавший номер выявить не удастся; совершенно очевидно, что он из более ранних учётных номеров. В ранних списках-предписаниях на отправку в Калинин номера учётных дел не проставлялись, но к 22-м “исчезнувшим из всех отчётов” это никакого отношения не может иметь – они поступили в Осташков после 14 апреля, когда были зарегистрированы Маловойский и Сцибур. В предписаниях же номера учётных дел к тому времени уже появились. Юзеф Щепаник оказался единственным, кто остался в лагерной документации: по какой-то причине его отделили от остальных его товарищей. Скорее всего, это случилось из-за его воинского звания в сочетании с местом службы – хорунжий пограничных войск.

Возникают вполне резонные вопросы: откуда прибыли таинственные военнопленные и куда были направлены? Вариантов у нас не так много: во-первых, два человека могли поступить из Каракубского лагеря, в котором на начало апреля 1940 года числилось четверо полицейских, двое из которых прибыли в Осташковский лагерь в конце апреля. Во-вторых, основная масса полицейских могла быть этапирована из Криворожского лагеря – 30 военнопленных оттуда в мае 1940 года приняли в Осташкове, но на начало апреля упомянутого года в Криворожском лагере (точнее, в лагере Дзержинскруды) насчитывалось 55 полицейских³². Если эти варианты не подтвердятся, то останется лишь один – военнопленных поставили из тюрем западных областей Украинской или Белорусской ССР. Последний вариант выглядит абсурдным в рамках нацистской версии: этих людей должны были расстрелять в тюрьмах Киева, Харьков, Херсона и Минска.

Понятно, что бесследно исчезнуть 23 человека не могли, в Калинин и Юхнов они не отправлялись, следовательно, их стоит поискать в иных местах. Например, в тюрьмах, Ровенском лагере, наконец – в Севжелдорлаге. Последняя из указанных возможностей выглядит наиболее реальной.

Справедливости ради, следует признать, что имеются некоторые сомнения относительно численности польских военнопленных, не отражённых в записке П. Ф. Борисовца: 22 человека или 23? По каким-то причинам начальник Осташковского лагеря не указал в своей записке ещё одного скончавшегося военнопленного – Казимира Поляка, быть может, он и есть один из тех, кого мы не обнаруживаем при подсчётах? Такой вариант исключить нельзя, но и согласиться с ним на все сто процентов также невозможно, ибо Управление по делам военнопленных осуществляло проверку численности контингента трёх

лагерей по состоянию на 8 апреля 1940 года. В Осташковском лагере было указано наличие 6364 военнопленных, при этом не были учтены уже вывезенные в Калинин, а следовательно, в лагере не находившиеся. Подобный шаг, возможно, и логичен, но исключить Люциана Тармаса, умершего 4 апреля указанного года³³, из статистики, также могли. В этом случае количество “исчезнувших” осташковцев равняется всё-таки 23-м.

Последний вопрос, заслуживающий нашего внимания: “записка Шелепина” – подделка, сомневаться в том не приходится, но когда она появилась на свет? Высказывались две точки зрения: при Н. С. Хрущёве; в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Автор статьи полностью поддерживает более позднюю датировку – обратим внимание на следующий аспект: утверждение о расстреле узников западноукраинских и западнобелорусских тюрем. В 50–60-е годы до такого ещё не додумались, это атрибут горбачёвско-ельцинских времён. Наконец, сложно себе представить, что фальшивка спокойно пролежала не одно десятилетие в архиве ЦК КПСС. Думается, что М. А. Суслов позаботился бы о её уничтожении.

Сторонники версии расстрелов, осуществлённых в 1940 году, утверждают нередко, будто доказательствами вины советской стороны они обеспечены вдоволь и вполне могут обойтись без документов из “Закрытого пакета № 1”, однако их книги и статьи базируются именно на данных “документах”. Предлагается изменить практику и попытаться доказать вину СССР без использования явных фальшивок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 663. Л. 118.

² РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 223.

³ Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 493.

⁴ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 216.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 301.

⁶ Там же. Д. 9. Л. 364.

⁷ Там же. Л. 404.

⁸ Там же. Ф. 38106. Оп. 2. Д. 6. Л. 88.

⁹ Там же. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 361.

¹⁰ Там же. Л. 306.

¹¹ Там же. Д. 11. Л. 397.

¹² Там же. Оп. 3е. Д. 3. Л. 338–340, 361.

¹³ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 397 (об).

¹⁴ Там же. Оп. 4е. Д. 13. Л. 13.

¹⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 177.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 370.

¹⁷ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 174.

¹⁸ Там же. Оп. 2е. Д. 9. Л. 352.

¹⁹ Там же. Л. 351.

²⁰ Там же. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 142, 271(об), 272(об).

²¹ Там же. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 396, 396(об), 397, 397(об).

²² Там же. Л. 413(об)

²³ Там же. Л. 398.

²⁴ Там же. Д. 14. Л. 218, 237, 238, 240, 252.

²⁵ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 176, 178, 180, 182.

²⁶ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 313, 414, 417.

²⁷ Там же. Л. 415.

²⁸ Там же. Л. 416.

²⁹ Там же. Л. 374(б), 380.

³⁰ Там же. Л. 371.

³¹ Там же. Л. 313.

³² Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 145.

³³ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 177.